

Знаменитый
магический круг
Тибо XVII век. Сейчас
он является знаком
школы фехтовальных
искусств
С. Мишенёва.

Сергей Мишенёв

Секретные удары

«Вновь получив укол в первом же бою, господин дез Ами призвал на помощь всё своё искусство, но сегодня и это не помогло ему отбить стремительные атаки Андре-Луи. После третьего укола учитель отступил назад и сорвал маску.

– Что это? – спросил он. Он был бледен, тёмные брови нахмурены. Никогда в жизни его самолюбие не было так уязвлено. – Вас научили секретному удару?

Он всегда хвастался, что знает о шпаге слишком много, чтобы верить чепухе о секретных ударах, но сейчас его убеждённость была поколеблена.

– Нет, – ответил Андре-Луи. – Я много работал, к тому же иногда я фехтую, прибегая к помощи мозгов».

Р. Сабатини.

«Скарамуш», М., «Художественная литература», 1991.

Не знаю уж, насколько серьезно интересовался Сабатини историей фехтования, но ситуацию, сложившуюся на границе двух фехтовальных эпох, он описал удивительно точно, хотя и ошибся ровно на один век: граница эпохи фехтмейстеров и эпохи школ приходится на конец XVII – начало XVIII веков. Действительно, новый век фехтования – эпоха школ – не только принёс с собой новое оружие, новые стили боя и методики преподавания. Новый век принёс и разочарование, подведя черту под двухсотлетними поисками предыдущих поколений мастеров – романтическими и таинственными поисками абсолютного, секретного удара, своеобразного «философского камня» фехтовальщиков.

Итак, начало XVI века. Ключевым элементом, изменившим весь ход военной истории, стало резкое качественное развитие и массовое распространение огнестрельного оружия, в результате чего бойцы на холодном оружии повсеместно отказываются от ставших бесполезными доспехов.

В очень короткий срок на смену кольчугам и латам приходят лёгкие эластичные кожаные колеты. Это, с одной стороны, даёт бойцам абсолютную свободу движений, а с другой – превращает всё тело фехтовальщика в поражаемую поверхность. Теперь нет необходимости выискивать слабо защищённые участки или пытаться пробить концентрированным ударом стыки стальных пластин. Любой, даже относительно лёгкий укол или удар шпагой, в любую точку, оказывается результативным. Под скорлупой рыцарских доспехов фехтовальщики обнаружили широчайшее поле для творчества.

И работа закипела! Обращаясь к первоисточникам – трактатам по фехтованию XVI-XVII веков, не устаешь удивляться невероятному многообразию способов и стилей боя. Любой, хоть немного уважающий себя фехтмейстер придумывал и пропагандировал свой собственный метод управления холодным оружием. Что же говорить о действительно великих мастерах, которые создавали целые школы фехтования, детально разрабатывая всё: стратегию, доктрину, тактику, технику боя и даже способы приветствия.

Камилло Аргиппа разработал свой стиль на основе агрессивной, атакующей доктрины, с математической точностью рассчитал технику удлинения атаки путём перегрузки выпада, одновременно увлекаясь вопросами периферийного визуального контроля и философской основой искусства боя.

Ахилло Мароццо, напротив, склонялся к экономичным, спокойным движениям и естественности форм, а заодно придумал свою «прогрессию» – полутанец-полуупражнение для четверых. Подходя к своему искусству с иными мерками, нежели Аргиппа, Мароццо не касался деталей и мелких расчётов, закрывая глаза даже на такие явные недоработки своего художника, как отсутствие зита у фехтовальщика, исполняющего приём прогрессии со шпагой и щитом!

Анри де Сан-Дидье приложил все усилия к тому, чтобы выделить французское национальное направление в фехтовании. В своём «Обращении к королю» (Карлу IX) он заявил, что развелось слишком много фехтмейстеров, увлечённых голый теорией (камень в огород итальянцев).

В учебнике Сан-Дидье мы находим систематизацию простейших передвижений на фоне значительного внимания к работе оружием, причём принципиально (!) одной шпагой.

Сальватор Фабрис – этаким Микеланджело от фехтования – большое внимание уделял самым разнообразным стойкам и уклонениям, полагаясь в значительной мере на ноги и корпус. По количеству самых вычурных положений тела Фабрису нет равных!

А сколько в этот период появляется новых приёмов, позиций и понятий, сколько дано формулировок и определений только что изобретённых и уже известных движений, сколько теоретических фундаментов заложено!

Жиганти называет основными положениями в фехтовании время и дистанцию. Грасси (1570) приводит данные о линиях: верхней, нижней, наружной и внутренней. Кавалькабо (1610) описывает наружные и внутренние батманы, верхние и нижние финты, батман и укол с переводом в нижний сектор, а так же 4-ю защиту и 3-ю. Капо Ферро развивает мысль Дидье, что для боя достаточно одной шпаги и утверждает преимущество диагонального разворота плеч относительно боевой линии. Фабрис (1624) использует понятие выбора дистанции. Бернар Ренне говорит о соединениях и переводах и подразделяет защиты на прямые, полукруговые и уступающие. Безнар (1653) описывает шаги вперёд и назад, вошедшие впоследствии в классическую школу, и повышает значение обезоруживаний. Де ля Туш (1670) выделяет сильную и слабую части клинка. Ле Перш дю Кудрей (1676) даёт определение рипоста и почему-то особенно воспекает полукруговую 7-ю защиту.

И можно с уверенностью утверждать, в это время не было ни одного мастера, который владел бы всем имеющимся многообразием фехтовального материала. Искусство боя на лёгком оружии (шпага, рапира и различные парные комбинации), не пришедшее ещё к единому знаменателю (этим знаменателем в начале XVIII века стали школы классического фехтования), оказалось слишком объёмным, а главное, ещё таило в себе слишком много белых пятен, чтобы подчиниться разуму и мастерству какого-нибудь одного человека.

Вот тогда-то и появились секретные удары. Каждый мало-мальски значительный мастер разрабатывал свой эксклюзивный способ атаки, который какое-то время действовал почти безотказно, до тех пор, пока этот способ никто не знал, пока он оставался секретным. После чего приходилось придумывать новый. И этот новый опять какое-то время действовал!

«Ну, сударь мой, а где *passado* ваше?» – восклицает шекспировский Меркуцио и тут же получает смертельный укол от знаменитого бретёра Тибальта, который своими «бессмертными *passado* и *punto reverso*» наводил страх на всю Верону. Королевский шут Шико валит очень неплохого дуэлянта и учителя фехтования Никола Давида секретным «ударом Крильона». А граф де Сен-Люк успешно использует против графа де Монсоро «удар короля».

Однако всё тайное рано или поздно становится явным. Удары переставали быть секретными, теряли былую актуальность, а вместе с тем привлекательность. Но фехтовальщики не сдавались и продолжали поиски этого

Приём обезоруживания по Сан Дидье (XVI век)

философского камня. В конечном счёте, главной целью всех поисков и экспериментов фехтовальщиков являлся не «секретный», а «абсолютный» удар, удар от которого нет спасения ни при каких обстоятельствах. Но время шло, а «абсолютный удар» оставался тайной за семью печатями. Наиболее прогрессивно мыслящие учителя приходили к выводу, что без колдовства здесь не обойтись, и абсолют достижим только соединением личного мастерства и магии.

Пожалуй, дальше других продвинулся в этом направлении итальянский учитель и дуэлянт Жерар Тибо. Ему удалось вычислить «магический круг». Внешне все выглядело очень незатейливо: перед поединком Тибо кончиком шпаги рисовал в воздухе круг, контур которого как бы перечеркивал противника напополам. Всякий нормальный фехтовальщик знал, пробиться сквозь круг Тибо невозможно. Знал и, конечно, проигрывал. Магический круг Тибо имел ещё и материальное воплощение: так называлась фирменная напольная разметка в его фехтовальном зале.

Наконец, к началу XVIII века последние иллюзии относительно абсолюта развеялись, а секреты закончились. Эпоха фехтмейстеров, эпоха глобальных экспериментов и великих открытий, уступала место веку Просвещения с его прагматизмом и реалистическими взглядами. Боевое искусство было подвергнуто тщательнейшему анализу, выделились основные стилистические направления, возникли национальные школы.

А как же волшебные неотразимые удары? Они ещё долго будоражили воображение начинающих фехтовальщиков в виде легенд и преданий, обрастая романтическим ореолом.

Например, легенда о происхождении флешь-атаки (стартообразная атака, сопровождаемая фазой полета) гласит, что первоначально флешь была фирменным

секретным приёмом итальянских бретёров. И вот как-то раз один такой бретер, похваляясь собственной непобедимостью, торжественно поклялся, что оставит жизнь тому из своих противников, кто сумеет отразить его коронный удар. И надо же такому случиться, что этим противником оказался совсем ещё неопытный юноша, который в момент сокрушительной бретерской атаки всего-навсего поскользнулся на банановой корке и, таким образом, «уклонился» от укола. При этом юноша оказался не только удачливым, но и наблюдательным. Он запомнил флешь-атаку и распространил её по всей Италии.

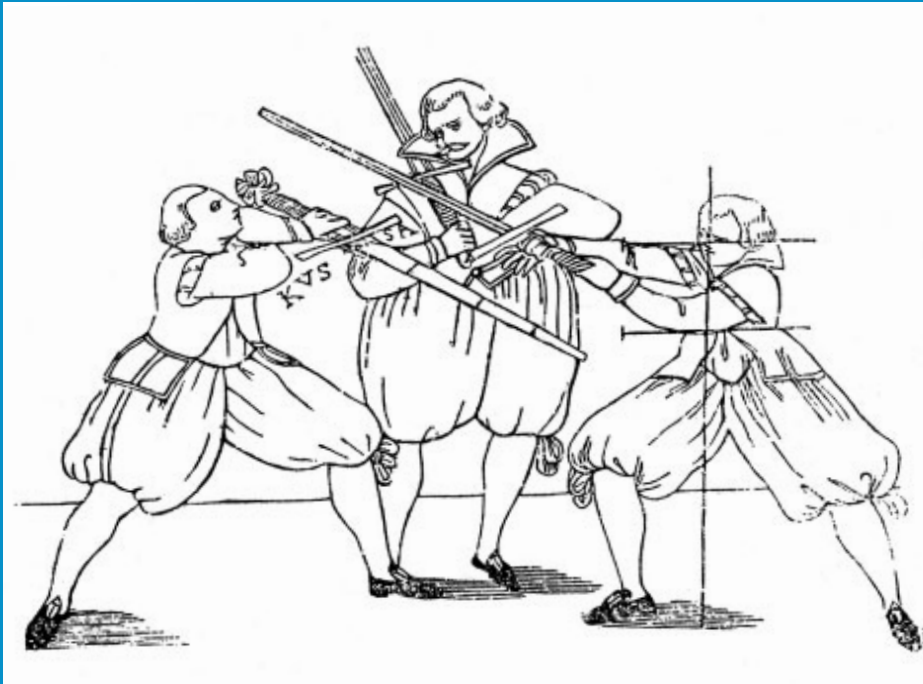
Красиво. Жаль только, что всё это неправда. Поиски секретных и абсолютных ударов, начавшиеся в начале XVI века, сразу после массового отказа от доспехов, так и закончились ничем на рубеже XVII-XVIII веков.

Наиболее ярко торжество науки над фехтовальной алхимией воспел английский писатель Гилберт Кит Честертон в своей нравоучительной притче «Деревянный меч».

Незнакомец, появившийся в глухой английской деревушке Грейлинг Эббот, без видимых причин ввязался в бой со всеми фехтовальщиками, и даже местным авторитетом сэром Гаем, и всех победил. Причем, не просто убил или заколол, а самым непостижимым образом обезоружил. Но как оказалось впоследствии, незнакомец не знал секретного удара, и даже не был колдуном, а всего-навсего выполнял поручение лорда Верулама (реальное историческое лицо), основателя натурфилософии и знатока естественных наук. Бродя по Англии, он испытывал новую шпагу, клинок которой был намагничен, и по предположению учёных должен был вытягивать из руки любое оружие.

Такое, кстати, тоже невозможно.

На рубеже XVIII-XIX веков к идее секретных ударов относились не более как к курьёзу. Наиболее мрачная

Фехтование на полуторных мечах по Сутору (XVII век)

шутка на эту тему принадлежит судье парижского парламента Кофиналю. Приговаривая одного учителя фехтования к гильотине, Кофиналь добавил: «Ну, старина, попробуй-ка отразить этот удар».

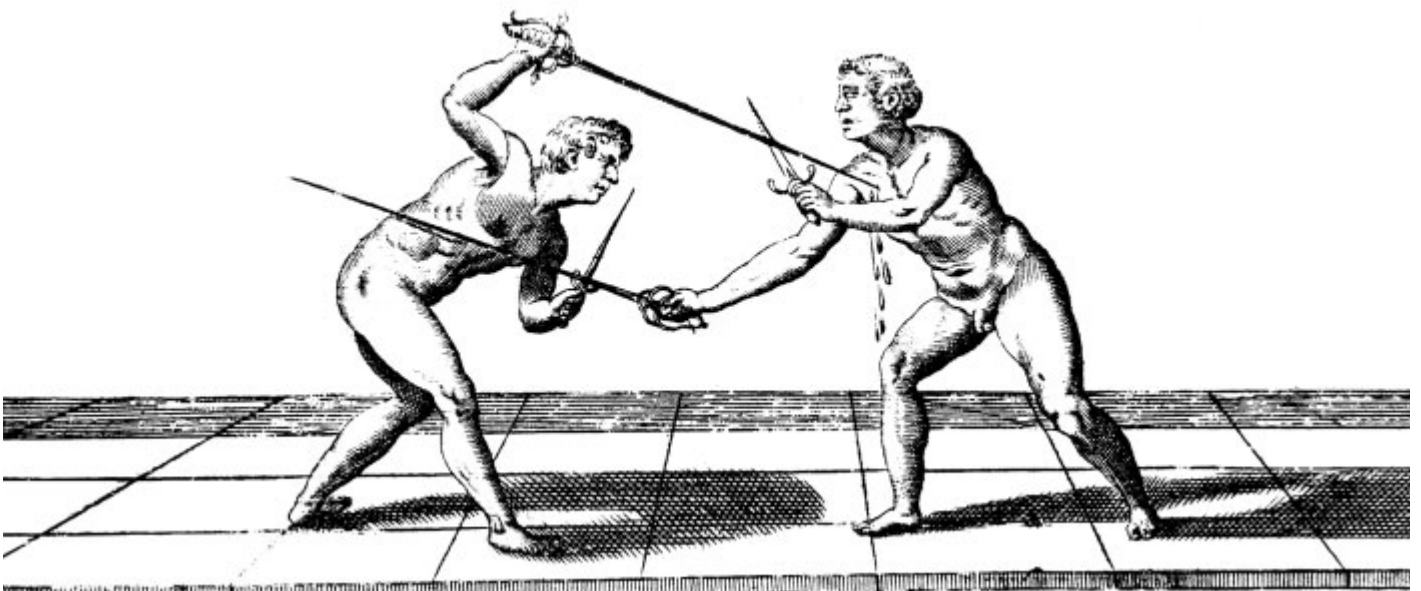
Чёрный юмор судьи мгновенно разлетелся по Парижу. И когда уже самого Кофиналя вели на казнь (таковы уж превратности французской революции), толпа, бежавшая вслед за его повозкой кричала: «Отрази-ка свой собственный удар!».

Размышляя о короткой и романтической истории секретных ударов, я задумался: неужели после эпохи

фехтмейстеров в области фехтования не было ни одного импульса развития, хотя бы отдалённо напоминающего отказ от тяжёлых доспехов в начале XVI века.

И этот импульс мне удалось вычислить! На Олимпийских играх в Риме в 1952 году, на соревнованиях по фехтованию впервые была использована электроаппаратура, фиксирующая нанесение укола.

Общеизвестно, что после введения электрофиксации фехтование стало более подвижным – скорость боя увеличилась, а амплитуда движений уменьшилась. Это полностью, хотя и в миниатюре, воспроизводит изменения,

Фехтование на шпагах с кинжалами по Фабрису (XVII век)

произошедшие в фехтовании постдоспешного периода. Если эта закономерность совпала, то почему бы в боевом арсенале спортсменов начала второй половины XX века не появиться и секретному удару? Конечно, телевидение и вообще открытая атмосфера общедоступных соревнований уничтожили бы почти сразу всю секретность, но, хотя бы на короткое время, аналогия должна была сработать.

И она действительно сработала! Среди советских фехтовальщиков того периода заметно выделялся молодой рапирист Герман Свешников. Он и разработал секретный удар, точнее то, что могло бы стать секретным ударом в эпоху Ренессанса. Используемую им атаку так и назвали – «горбушка Свешникова» (сложный приём рипоста (ответной атаки), выполняемый в прыжке). Причём, было даже две её разновидности – передняя и задняя. Иностранцы, столкнувшиеся на фехтовальной дорожке с Германом, охарактеризовали его стиль боя так: «Свешников не фехтует – он закидывает нас кирпичами».

Между тем, средства массовой информации сделали своё дело: в очень короткий срок почти все рапиристы стали использовать «горбушку». Удар был практически неотразим. И логично, что следующим этапом стало изобретение контрприёма, получившего название «крючок». В результате один приём как бы нейтрализовал другой, и через очень короткое время «горбушка

Свешникова» и «крючок» одновременно и незаметно исчезли из боевого арсенала фехтовальщиков.

Р.С. Любые боевые искусства, и вообще все виды и способы боя, объединяет одна неопровержимая аксиома – приём защиты сильнее приёма нападения. Если бы этого закона не существовало, никакой бой был бы невозможен, и всё противоборство всегда сводилось бы к одному атакующему движению. Нетрудно заметить, что эта аксиома напрочь опровергает теорию абсолютного удара. Поэтому за двести лет его так и не нашли.

Но, может быть, просто плохо искали?

Возьмём, к примеру, шахматы. Там существуют позиции, обрекающие одного из играющих на неизбежное поражение. И в таких случаях нормальный шахматист сдаётся задолго до финального хода противника. Он, этот шахматист, понимает, что попал под действие неотразимой атаки, и любые, даже самые изощренные, попытки сопротивления здесь уже бесполезны. Для шахмат такая атака и является самым настоящим абсолютным ударом.

Логично предположить, что и в фехтовании должна быть какая-то цепочка действий, неизбежно приводящая к нанесению укола или удара, даже при самом активном сопротивлении противника. Ведь очень многие выдающиеся мастера находили очень много общего между шахматами и фехтованием.

«Горбушка Свешникова» в исполнении автора